

УДК 94 (3):2-5 (575.2) (04)

К ИСТОРИИ ИСЛАМА В КЫРГЫЗСТАНЕ
(ЭПОХА “МУСУЛЬМАНСКОГО РЕНЕССАНСА”)

В.Д. Горячева

Приводятся артефакты исламской культуры, выраженные в архитектуре, локальной эпиграфике, литературных источниках эпохи Краханидского каганата.

Ключевые слова: ислам; средневековье; суфизм; арабо-письменная культура; культовое зодчество; намогильные кайраки; Баласагун; Узгенд; Сафед-Булон.

Статья продолжает серию публикаций о древних культах и религиях на Тянь-Шане (включая Семиречье и Фергану) в эпоху тюркских каганатов. Ислам здесь имел свою историю и специфику. Обратимся к местным памятникам исламской культуры, представленным архитектурными комплексами, монументальными арабо-персидскими текстами мавзолеев, эпитафиями намогильных галек (кайраков) XI–XIV вв. – подлинным свидетелям яркой эпохи “мусульманского ренессанса” (термин не совсем точный, но прочно утвердившийся в историографии). Хотя арабские завоевания Средней Азии начались в VII – нач. VIII вв., потребовалось около двух столетий, прежде чем ислам закрепился в этом регионе. Только в середине X в. тюрки – карлуки, чигили и ягма – приняли ислам в каганате, но уже в 60-х годах XI в. Махмуд ал-Кашгари, как правоверный мусульманин, сокрушался о “неверных” тюрках, которые словом “Тенгри” называют “большие деревья” [17:50]. Доисламские культы у народов Средней Азии мусульманские информаторы отмечают вплоть до этнографической современности. Особенно это касается повседневной обрядовой жизни тюркоязычных мусульман.

Ислам X в., когда он был принят тюрками, уже претерпел ряд изменений. Не вдаваясь в историю этой религии, отметим лишь, что и у самих арабов ранний ислам включал многие представления о древних богах (и связанных с ними местных святыни), а культ Аллаха восходил к главному богу древнего храма Каабы курейшитской Мекки. Эпитеты и имена древних богов стали эпитетами Аллаха, а культы некоторых пророков выдавались проповедниками раннего ислама за своих предшественников [7:43]. Не было в эпоху Мухаммеда-Пророка, вопреки поздней-

шим учениям мусульманского богословия, и определенной стороны поклонения молящихся; указания на это сохранилось в Коране, где говорится, что молящийся Пророк обращал свое лицо в разные стороны неба [10:2, 39]. Мечети строились без крыш, они представляли собой место, обнесенное стеной. О первой крытой мечети, построенной “для больных и нуждающихся, для дождливой ночи и зимней ночи”, в Коране сказано: “В ней никогда не становись на молитву... Бог не вождь людям нечестивым. Здание их, которое построили они, до тех пор не перестанет быть недоумением в сердцах их, пока сердца их не будут истерзаны” [10:9, 108–111]. Начальный ислам не знал даже такого установления, как ежедневная пятикратная молитва (*салат, намаз*), которое, хотя и считается одним из главных признаков и требований мусульманства, возникло под влиянием зороастризма [8:34]. Известно, что на пути становления исламской религии и отправления культа кое-что было заимствовано из восточного (сирийского) христианства.

А. Мец в книге, посвященной истории культуры Халифата III–V вв. хиджры (IX–XI вв. н.э.) пишет, что именно в это время “ощущается тяга к новым духовным потребностям”, а “движение, которое...преобразило ислам, являлось, в сущности, ни чем иным, как вторжением целого потока христианских идей в религию Мухаммада...” [12:268]. Коснулось это и тюркомусульман, однако локальные источники больше отражают распространение здесь суфизма – в основе мистико-аскетическое направление в исламе, возникшее в VII–VIII вв.

Наиболее многочисленна и достаточно хорошо изучена арабская эпиграфика, в том числе

монументальные тексты на порталах Узгенских мавзолеев, в интерьере мавзолея Мухаммада ибн Насра, более известного под названием “Шах-Фазил”, а также надгробные кайраки с арабскими и более редкими персидскими текстами эпитафий. Эта категория памятников арабско-письменной культуры в Фергане и Семиречье получила распространение уже с XI в. и практиковалась все последующие столетия.

Большую информацию о социальной структуре мусульманского города дают эпитафии кайраков на средневековых кладбищах Узгенда, Сафед-Булона, Оша, Баласагуна. Выделяются даже отдельные семьи, происходящие из разных мест: Хорасана (Нишапура), Мавераннахра (Бухары и Самарканда), из аравийской Мекки. Например, четыре эпитафии из Узгенда позволяют восстановить генеалогию целой династии местных садров, обладавших значительным авторитетом и реальной властью в домонгольской Фергане. Длинная кунья одного из них (Уз-2)¹, дополненная нисбой ан-Нисабури, уводит нас в столицу Хорасана второй половины X в., а последние имена в этой кунье совпадают с именами известных руководителей хорасанской секты *каррамитов*, действовавших в Нишапуре при Махмуде Газнави – Абу Йа'куба Исхака (ум. в 993) и его сына Абу Бакра Мухаммада (ум. после 1030). Такое совпадение, подкрепленное другими объективными аргументами, позволяет выдвинуть гипотезу о происхождении ферганских шейхов от упомянутых каррамитов. Ещё три эпитафии посвящены членам династии садров – одному из основателей ферганской ветви Бурханидов, суфийскому шейху Бурхан ад-дину Кылычу ал-Узджанди и двум его потомкам (рис. 1).

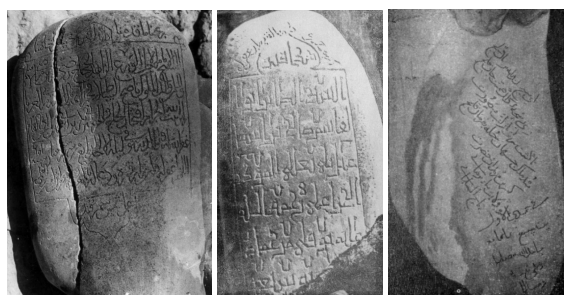

Рис. 1. Намогильные кайраки XII–XIII вв. из мазаров Узгена

Имеются эпитафии на могилах знатных женщин, имена которых тюркские или таджикские,

¹ Нумерация дается по первым публикациям кайраков [см. 5, 6, 15, 16].

например Хатун-и Хатунан из рода Бурханидов, правда, монгольского, а не караханидского времени истории Узгенда. Встречаются названия профессий: кузнеца (*хаддад*), плотника-столяра (*наджжар*), купца (*фахр ат-туджжар*), но подавляющее большинство эпитафий посвящено шейхам, имамам, знатокам законов, чтецам и толкователям Корана (*муфтий*, *алим*, *факих*, *муэдзин*); ученым (*фадил*, *набих*, *хваджа* – “ходжа”, воспринимается позже как “потомок арабов”).

Намогильные тексты из Сафед-Булона (рис. 2) содержат ярко выраженную суфийскую терминологию (большинство из 16 выявленных кайраков). Характерен набор эпитетов: “аскет, подвижник, отрешившийся от мирских желаний”, “убежденный в истине”, “познавший бога”, “поступающий соответственно тариқату” и т.д. – синонимы последователей суфиев. Эти кайраки датируются серединой и второй половиной XIII в., один – второй половиной или концом XII в. По-видимому, в это время суфизм здесь был в расцвете, тогда же складываются культы “святых” Шах-Фазила, Бу Билал и других “сподвижников” распространения ислама.

Рис. 2. Намогильные кайраки XII–XIII вв. у мавзолея Мухаммада ибн Насра в Сафед-Булоне

Некоторые из шейхов носили высокие титулы. Например: “светоч общины и веры, муфтий ислама и мусульман, украшение имамов в обоих мирах... солнце ученых” Мас’уд ибн Махмуд (умер 18 джумада ал-аввал года 639, т.е. 24 ноября 1241 г. – кайрак № 5). Или: «шейх ислама и мусульман, наставник имамов, лучшего из людей... сын шейха, имама достойнейшего, совершеннейшего, звезды истины и веры, муфтий обеих сторон горизонта, который воспринял знание и видение от садра садров (всех) миров Бурхан ал-милла ва-д-дина, автора “Ал-Мухита”...» (этот шейх по имени Насир ибн Мухаммад ибн Ахмад ал-‘Усмани умер в месяце джумада алахир года 650 хиджры, т.е. в августе-сентябре 1252 г. н.э. – кайрак № 6).

“Муфтий обеих сторон горизонта” или “муфтий Востока и Запада” – формула весьма

распространенная, несмотря, казалось бы, на всю фантастичность подобной претенциозности в мусульманском мире. На подобное расширение своих полномочий претендовали многие духовные деятели при династии Караханидов, но, что более интересно, сами каганы зачастую именовали себя “царями Востока и Китая” (“малик аш-Шарк ва-с-Син”, “султан аш-Шарк ва-с-Син”). Такую титулатуру можно видеть и на монетах, например, илека Абу-л-Хасана Насра б.Ибрахима (1068–1080 гг), чеканенных в Самарканде, Ахсикете и Ходженте [5].

“Приближенный к царям и султанам” и “наставник всех (живых) созданий” похоронен в Сафед-Булоне в 1310 г. (кайрак № 10). Этот высокого ранга священнослужитель был удостоен титула и эпитетов, которые носили высокопоставленные персоны при дворах правителей: “его высокоприсутствие”, “честь известных”, “слава знаменитых”, “садр общины и веры” Мухаммад, сын шейха, имама достойнейшего, маулана Наджм ал-хак ва-д-дина ал-Кармини. Титулы “садр” и “маулана” носили представители высшего духовного сословия, которые зачастую были и представителями светской власти в общинах. Предок шейха был родом из города Кермине (ныне г. Навои в Узбекистане).

Один из намогильников посвящен умершему торговцу, который был “славой купцов” Мухаммад сын Хайбаталлаха родом из Азербайджана. Ряд намогильников скромны по содержанию и содержат лишь имена усопших да религиозную формулу, в частности некой “Огул Хатун. Бог эту женщину да помилует!” – и вся эпитафия (кайрак № 15).

Особый интерес вызывают два кайрака, в текстах которых шейхи названы по месту рождения их в Испид-Булане (совр. Сафед-Булон). Один из них “ученый, советник мусульман, гордость ученых, собрание совершенств, канона правоведения” Мухаммад сын Да‘уда ал-Исбидбулани, скончался в месяце джумуда алахир 664 г.х. (март–апрель 1266 г. н.э.) (кайрак № 7). Другой шейх – “слава проповедников, сына шейха...подавателя ереси” Мухаммад ибн Амин ибн Мухаммад ибн Гариб ал-Хасан (сына) ‘Усмана ал-Исбидбулани (кайрак № 8). Дата смерти и погребения шейха испорчена, но по очевидной близости почерка и общего стиля исполнения обоих кайраков В.Н. Настич допускает датировку этого памятника тем же временем – 655 г.х. (1266–1267 гг. н.э.), плюс-минус 10 лет.

Оба ученых имеют нисбу (родовое прозвище, обычно от названия города или местности, ино-

гда от профессии) “ал-Исбидбулани”. Такое же название местности дает в своем упоминании о трагических событиях в Испид-Булане Джемаль Карши. С некоторым искажением сохранилось оно и в памяти народа. По-видимому, селение в форме “Булан” названо в рассказе Омар-шейха о сражении с Инга-Тюря (Торе) в персоязычном сочинении Низам ад-дина Шами “Зафар-наме” (XV в.). В другом письменном источнике, известном как “Джами ал-мукамаг” (где описываются события, протекавшие в Ферганской долине во второй половине XVI в.), Испид (Исбид)-Булан упоминается как Сафид-Булан. С течением времени происходит искажение названия, трансформация его в более понятное. Ведь и сейчас термин “Булан” (Булон) совершенно не понятен современным жителям, поэтому часто можно слышать топоним в искажении – “Булом” (“борода”), “Буленд” (“высокая”, “вышина”) и др.

Если обратиться к помощи “Древнетюркского словаря” (1969), то у Махмуда ал-Кашгари (интересный пример известности ученого-энциклопедиста XI в. только по нисбе) можно почерпнуть такие сведения: “сафид” – это “испид” или “эспид” (“белый”), а “булан” – это название мифического единорога в тюркских сказаниях. В тюрко-монгольском лексиконе этот термин означает “лось”. Таким образом, название местности Сафед-Булон может быть связано с тем, что в древности в этой местности водились белые лоси.

Анализируя сословно-профессиональные термины и лакабы (почетные прозвища), содержащиеся в текстах эпитафий на кайраках, В.Н. Настич особо обращает внимание на то обстоятельство, что в средневековом мусульманском обществе высоко ценилась традиционная ученость. Об этом свидетельствует набор эпитетов: *бари*, *фадил*, *набих*, *тадж*, *данишманд*, *мустафа* и другие. Особенно следует выделить характерный для среднеазиатского региона термин *хваджа*. В одной из надписей на кайраке из Сафед-Булона этот эпитет носил торговец, но этот же эпитет носили и правители, и духовные лица, и ремесленники. Но что их отличает, так это высокая степень грамотности, несмотря на различное социальное положение. А поскольку, заключает В.Н. Настич, грамотность в исламе ассоциировалась в первую очередь с арабским языком и умением читать Коран, то со временем и слово *хваджа* стало осмысляться как “потомок арабов”.

Кандидатская диссертация автора была посвящена археологическому исследованию сохранившихся до наших дней памятников архи-

тектуры X–XII вв. Одна из глав рассматривает отождествление городища Бурана и исторический Баласагун, в чем свидетельствуют местные эпиграфические тексты (рис. 3). Кроме известных сиро-тюркских надписей на несторианских надмогильниках XIII–XIV вв., находили гальки и с мусульманскими эпитафиями [18]. К настоящему времени известно до 30 эпиграфических памятников арабского письма, хотя половина из них – поздние.

Эпитафии посвящены представителям духовного сословия, это – *улемы* – знатоки теологии, *факихи* – законоведы, *муфтиши*, *имамамы*, *кадии*, проповедники. Особо подчеркивается преемственность в наследовании духовных должностей и титулов. Упоминаются также достоинства усопших, их праведность и заслуги перед исламом; специально отмечены факты паломничества покойных в святыне города Мекку и Медины, в том числе женщины-тюрчанки, грамотной мусульманки, в родословной которой целое поколение тюрков-мусульман (кайрак № 5) [15:169-170].

Рис. 3. Намогильные кайраки XII–XIV вв. с городища Бурана

Впервые косвенные сведения об этих памятниках дает востоковед В.В. Вельяминов-Зернов в публикации отрывков из сочинения Мухаммада Хайдара Дуглата “Та’рих-и Рашиди” (первая половина XVI в.), где приведен полный текст эпитафии ученого шейха из города на р. Чу, “имени которого никто не знает, (но) монголы называют его Монара (башня, минарет)”. Текст и перевод эпитафии с именем “имама Мухаммада факиха ал-Баласагуни” и датой его смерти в 711/1311–1312 гг., содержит также подпись исполнителя эпитафии – “кузнец Умар ал-Баласагуни”. Тождество Муноры с Бураной бесспорно, это мнение высказано давно и не вызывает возражений. Кроме того, в Чуйской долине находки кайраков зарегистрированы пока только на Буранинском городище. Поэтому, несомненно, что сообщение в “Та’рих-и Рашиди”

Мухаммада Хайдара о городе Мунара относится именно к остаткам этого города.

Наиболее интересен в историческом отношении кайрак, найденный М. Кубатбековым и В.П. Мокрыниным при раскопках в 1979 г. “мавзолея № 4” (по нашему мнению – однокамерной мечети-*хазира* в комплексе ханака). Особое внимание привлекает нисба покойного шейха – “ал-Баласагуни”, а также заметная близость содержания надписи этого кайрака тексту надмогильника, описанного в “Та’рих-и Рашиди”. Эпитафия исполнена полукурсивным сульсом, опытной рукой каллиграфа: “Это могила шейха, имама славнейшего, благородства мира и веры, гордости спорящих, венца поучающих, прозываемого Мухаммедом, сыном законоведа ал-Умара ал-Баласагуни, да озарит Аллах ложе его! Аминь” [14:227–228].

В тексте эпитафии на кайраке из Муноры, описанной Мухаммадом Хайдаром, и в буранинском кайраке совпадают имена покойных, нисба и ряд титулов, в том числе “факих” – род занятий, более индивидуализированный, чем традиционное обозначение “шейх” или “имам”. Совпадает имя Умар, хотя у Мухаммада Хайдара это имя исполнителя эпитафии, а в новом кайраке – имя отца усопшего. Возможно, речь идет о разных надмогильниках, посвященных разным лицам. Однако упоминание в обеих эпитафиях нисбы “ал-Баласагуни” свидетельствует о многом. Третий кайрак с этой нисбой принадлежит могиле ученого из Баласагуна – Саида ибн Муса ал-Баласагуни, кайрак найден в 1986 г. при раскопках мечети в комплексе ханака [19:99].

Эти три памятника прочтены полностью и опубликованы В.Н. Настичем совсем недавно [16:70–82], являясь продолжением серии публикаций буранинских кайраков. В текстах эпитафий последних кайраков [№ 12–15а,б] из однокамерной мечети в комплексе ханаки (объект VII) приводятся такие титулы и лакабы, как например, *сейид* (в значении “потомок Пророка”, титул, который носили лица, возводившие свою родословную к Хусейну сыну ‘Али), *ал-муртада* (потомок по деду Мухаммеду), *садр* почетный титул главы духовенства, который исполнял также функции светских судебных властей – *ра’ис*, *кадий* и др.), персидско-таджикский титул *азизан* или *азизлар* (с оттенком святости), *ал-мустафа* (“избранный”, один из эпитетов имени самого Пророка).

В буранинских эпитафийных текстах так же, как в узгендских, встречаются высокие титулы священнослужителей, их известность в ислам-

ском мире. В частности, отмечается употребление титула “муфтий Востока и ас-Сина” (кайрак № 2), хотя Баласагун находился во второй половине XII в. под властью киданей, а Сунский Китай не был мусульманским и не попадал под юрисдикцию караханидских муфтиев и кадиев. Но, как отмечает востоковед М. Хартман, подобная претенциозность имела под собой религиозно-политическую подоплеку, именуемую им “панисламской”: поскольку весь мир создан Аллахом и подчиняется его воле, независимо от того, исповедуют его обитатели ислам или нет, поскольку “земли неверных” рано или поздно будут включены в орбиту “истинной веры” [14:233].

К настоящему времени известно 18 текстов эпитафий с городищ Бурана=Баласагуна, тождество которых блестяще подтверждается новыми находками, речь идет уже не об отдельных экземплярах, а о полноценном эпиграфическом комплексе. Хронологически все буранинские эпитафии, включая и недатированные, укладываются в промежуток XII – середины XIII в.; особняком стоит лишь не имеющий физического оригинала текст эпитафии, воспроизведенный автором XVI в. Мухаммадом Хайдаром (711/1311–12 г.). Более поздних дат здесь нет, и это вполне согласуется с данными археологии о поздней временной границе существования города Баласагуна – около рубежа первой-второй трети XIV в.

* * *

“Мусульманский ренессанс” на Тянь-Шане наступил на столетие позже, чем на Ближнем Востоке. Это было время распада халифата, но и широкого распространения ислама на пограничные страны и регионы. Вновь создаваемые султанаты, эмираты, каганаты и ханства больше заботились о внешних формах ислама, правовых и обрядовых практиках, обязывающих соблюдение “столпов веры”. Суфии, напротив, отдавали предпочтение внутренней религиозности, через аскезу стремились к мистическому познанию Бога – как высшему идеалу и высшей цели жизни мусульманина.

Для интеллектуальной элиты исламский мистицизм составлял содержание философского и художественного творчества [1:1024]. В суфийских сочинениях IX–X вв. Иисус ставился выше Мухаммада; суфии открыто признавали возможность познания Аллаха, вплоть до слияния с ним. Суфийская доктрина превратилась в сложную систему, возникла своеобразная общественная организация суфиев, где устанавливается обычай избирать себе духовного наставника (*шеих* или *пир*). Человек, вступивший под

начало шейха, назывался *мурид*. Муриды жили при шейхе в своего рода общежитиях (*рабат*, *завийа*, *ханака*, *текке*) при известных гробницах или больших мечетях [2:39–40]. К концу IX в. суфизм из Багдада распространился по всей империи, а через сто лет города были уже “густо заселены суфиями” [2:270–272]. С нач. XI в. появляются монастыри, но предписания, обязывающего нищенствовать, не было. Большинство суфиев того времени были женаты, а их семьи формировали кланы и целые поселения.

Муриды, жившие в ханаке, назывались *факир* (араб.– нищий) или *дервиш*. Обычно ханака строилась в городах, а шейхи были почитаемыми и уважаемыми горожанами. Именно такой ислам рисуют источники в эпоху Караханидов. В городах Ферганы и Семиречья были сильны доисламские традиции – как иранские, так и тюркские. Можно отметить подобную ситуацию для соседнего каганата Сельджуков. Как пишет историк И.В. Можейко, “ислам смог сохранить внешнюю, обрядовую сторону во многих странах, где он укрепился с помощью конных армий арабских завоевателей. Но за безусловным признанием Корана и учения Пророка скрывались доисламские верования и обычаи тех народов, что попали в сферу мусульманской идеологии...” [13:138].

В истории города Туркестана, где сформировался центр суфиев Средней Азии и Казахстана (вокруг священных останков основателя ордена Ахмада Ясави), суфии играли огромную роль в распространении ислама. Около мавзолея на гуристане образовалось селение суфиев, называвших себя потомками Ходжи Ахмада. Затем вокруг мавзолея сложился целый ансамбль различных культовых сооружений. Однако представители суфизма имели здесь больше последователей среди кочевников, чем среди оседлого населения [17:74].

Подобную роль играл комплекс построек в Сафед-Булоне, способствуя распространению ислама среди полукочевого населения Ферганы вплоть до новейшего времени. По-видимому, основателем этой суфийской общины был погребенный в мавзолее правитель удела Мухаммед ибн Наср, покровительствующий суфиям Ферганы уже в середине XI в. [3]. Место его погребения служит мазаром, о нем в XIII в. упоминает Джемаль Карши, в XVI в. – автор “Маджму ат-таварих” Сайф ад-дин Ахсикенди. Ныне это историко-архитектурный заповедник, по-прежнему привлекающий паломников, страждущих исцеления, благополучия и отпущения грехов.

Литература:

1. *Ацамба Ф.М., Кириллина С.А.* Суфизм // Религиоведение: Энциклопед. словарь. – М.: Академпроект, 2006. – С. 1024–1025.
2. *Бертельс Е.Э.* Суфизм и суфийская литература // Избр. труды. – М., 1965.
3. *Горячева В.Д.* Средневековые городские центры и архитектурные ансамбли Киргизии (Бурана, Узген, Сафид-Булан): Научно-популярный очерк. – Фрунзе: Илим, 1983.
4. *Горячева В.Д.* Сафед-Булон: Историко-археологический и архитектурный заповедник Кыргызстана. – Бишкек: Изд-во КРСУ, 2002.
5. *Горячева В.Д., Настич В.Н.* Эпиграфические памятники Узгена XII–XX вв. // Киргизия при Караханидах. – Фрунзе: Илим, 1983. – С. 140–193.
6. *Горячева В.Д., Настич В.Н.* Эпиграфические памятники Сафид-Булана XII–XIV вв. // Эпиграфика Востока. – Л. (СПб.): Наука, 1984. – Вып. XXII. – С. 61–72.
7. *Грюнбаум Г.Э.* Основные черты арабо-мусульманской культуры. Статьи разных лет / Сост. Д.В. Фролов. – М.: Наука, 1981.
8. *Климович А.В.* Ислам. – М.: Политиздат, 1962.
9. *Кляшторный С.Г.* Древнетюркская религия: проблемы реконструкции и генезиса // Инф. бюлл. МАИКЦА. Спец. выпуск. – М., 1987. – С. 45–53.
10. Коран / Пер. с араб. акад. И.Ю. Крачковского. – М., 1990.
11. *Массон М.Е., Горячева В.Д.* Бурана: История изучения городища и его архитектурных памятников. – Фрунзе: Илим, 1985.
12. *Мец А.* Мусульманский Ренессанс / Пер. с нем.; пред. Д.Е. Бертельса. – М.: Изд-во “В и М”, 1996.
13. *Можейко И.В.* 1185 год (Восток-Запад). – М.: Наука, 1989.
14. *Настич В.Н.* Арабские и персидские надписи на кайраках с городища Бурана // Киргизия при Караханидах. – Фрунзе: Илим, 1983. – С. 221–234.
15. *Настич В.Н.* К эпиграфической истории Баласагуна (Анализ изданных надписей и новые находки) // Красная Речка и Бурана: Материалы и исследования Киргизской археологической экспедиции. – Фрунзе: Илим, 1989. – С. 158–176.
16. *Настич В.Н.* К эпиграфической истории средневекового Баласагуна // Нумизматика и эпиграфика. – М.: Наука, 2005. – Т. XVII. – С. 70–82.
17. *Смагулов Е.А., Григорьев Ф.Н.* Из домонгольской истории Туркестана // Изв. МН - АН РК. – 1996. – № 2. – С. 66–75.
18. *Трутовский В.К.* О двух камнях с арабскими надписями, присланных Ф.В. Поярковым из Токмака // Древности Восточные: Тр. Восточной комиссии Московского археологического общества. Т. 1. Вып. 1. – М., 1888. – С. 20, табл. VI.
19. *Goriatcheva V.D.* À propos de deux capitales du kaghanat Karakhanide // Etudes Karakhanides; Cahiers d'Asie Centrale. № 9. – Paris; Tachkent, 2001. – P. 91–114.